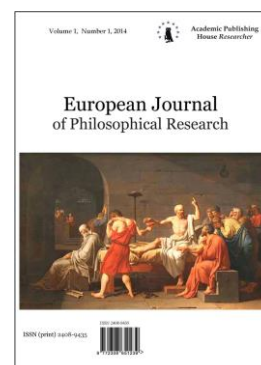

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2021. 8(1): 3-13

DOI: 10.13187/ejpr.2021.1.3
www.ejournal17.com

Articles

Russia is in the Regional Alliances of the Eurasian States. Civilizational Dimension

Yury D. Granin ^{a, *}

^a Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the prospects of possible alliances between Russia and the Eurasian states in the context of the formation of new centers of world dynamics, gradually shifting to Asia. This observed change in the geopolitical and geo-economic configuration of the world encourages Russia to turn to the East. But the results of this reversal from Europe to "Greater Eurasia" are not at all obvious. Possible difficulties are determined by the political, economic and civilizational differences of the countries of the Eurasian continent. According to the author, the prospects for an equal partnership between Russia and India and China are connected with the formation of a new model of modernization on its own civilizational basis. So far, the civilizational model of the development of the Russian Federation is heterogeneous. And this fact is beyond the attention of the ruling and intellectual elites of the country. Currently, the Russian Center for Strategic Research (RCC), supervised by Alexey Kudrin, is proposed to abandon the "comprehensive modernization program" and focus on the formation of new development institutions: the so-called "transitional institutions", designed to ensure the transformation of the "natural state" into the "state of open access" to political and economic resources. This is important, but not enough. In addition to the development of new rules (institutions) of social and public administration, a great deal of cultural and ideological work is needed to update the value and semantic framework of Russia, to fill it with new meanings.

Keywords: institutions, world dynamics, modernization, values, civilization.

Преодолев эпоху биполярного состояния, человечество вступило в период трансформации прежнего международного порядка в направлении формирования новых центров мировой динамики, постепенно смещающихся в Азию. Это наблюдаемое изменение геополитической и геоэкономической конфигурации мира стимулирует Россию к повороту на Восток. Но что ждет ее «там, за поворотом»? И не окажется ли она в инициированных ею же больших геополитических проектах на положении «младшего партнера»? Да и стоит ли ей, вместе с Китаем, торпедировать сложившуюся ранее тенденцию к однополярной глобализации мира, в пространстве которой они получили не малые экономические выгоды? Ведь многие известные специалисты именно ее считают наилучшей из возможных форм грядущего развития человечества...

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Yu.D. Granin)

Наиболее последовательно и аргументированно последнюю позицию отстаивает В.Л. Иноземцев. Характеризуя США как доминирующую державу современного мира, как своего рода *indispensable nation* (незаменимую нацию), которой противостоят две крупных «ревизионистских» страны – Китай и Россия, он пишет, что «при этом руководству и Китая, и России нужно понимать, что как экономический рост КНР, так и хозяйственное возрождение РФ вызваны исключительно повышательным трендом мировой экономики, который был задан однополярной глобализацией, подталкиваемой Америкой: именно американский спрос и американские инвестиции в 1990-е гг. запустили «китайское экономическое чудо»; именно формирование нового центра индустриального производства в Китае подтолкнуло спрос на ресурсы, а с ним и цены, обеспечившие в следующем десятилетии бум в российской экономике» (Иноземцев, 2019: 9).

Конечно. Можно даже усилить этот тезис, заявив, вслед за премьер-министром Сингапура, что «Азия процветала, потому что период Pax Americana, длящийся с конца Второй мировой войны, обеспечивал благоприятный стратегический контекст» (Ли Сянь Лун, 2020). Но констатация этого обстоятельства не отменяет периодически изменяемой вариативности осуществления человеческой истории. Полюса и центры мирового развития в течение ушедшего тысячелетия менялись неоднократно, постепенно смещаясь из Азии в Европу. После второй мировой они переместились в США. Но кто гарантирует, что к середине XXI века они вновь не окажутся в Азии? Учитывая темпы развития Китая и Индии в последние годы таких гарантий дать нельзя.

Преодолев эпоху биполярного состояния, человечество вступило в период трансформации прежнего международного порядка, основанного на доминирующем влиянии евроатлантической цивилизации, со второй половины XX века задающей правила «большой игры»: игры по правилам США и контролируемой ими «большой Европы». Но в последние годы эти правила стали меняться. Силовой потенциал национальных государств теперь ставится во главу угла их внешней политики, а работа через международные институты отступает на второй план. По мнению некоторых влиятельных аналитиков, сейчас «в мире установился "закон джунглей", о котором под возмущенные крики предупреждали русские». И в этой «борьбе без правил», отмечает С. Караганов, мы, русские, получаем «конкурентное преимущество». И если «миру предлагается "закон джунглей", нужно играть по "законам тайги"» (Караганов, 2019).

Разумеется, это эмоционально окрашенная метафора. Но верно то, что западоцентризм в политике и мышлении устарел, он «признак умственной лени и отсталости». А значит в обозримом будущем гораздо перспективнее движение нашей страны в направлении «Большой Евразии» – нового концептуального пространства «геополитического, геоэкономического и геоидеологического мышления, задающего вектор взаимодействия государств континента. Оно должно быть нацелено на совместное экономическое, политическое, культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики» (К Великому океану, 2019: 275).

По мнению авторов проекта, помимо России и Китая, он будет включать в себя и другие страны Азии, где все будут договариваться и налаживать сотрудничество (К Великому океану, 2019: 276-277). Это возможно, хотя и проблематично из-за вероятного соперничества Китая и России. Вместе с тем эта идея привлекательна в силу ее социокультурного характера: опонируя прежнему проекту «Большой Европы» (от Атлантики до Владивостока) фактически «Большая Евразия» представляет собой макрорегиональный проект совместного цивилизационного развития, куда по мнению его разработчиков, войдут и некоторые страны Европы. «Если рассуждать о будущей картине мира, – прогнозирует известный российский политолог С. Караганов, – то Европа в этой картине разобьется на части: одна будет в системе "Америка+" с США, а другая – в Евразии. Уже сейчас примерно ясно, где будет проходить граница. Вопрос только в том, куда решит пойти Германия. Думаю, что скорее всего в Евразию» (Сергей Караганов, 2019).

Хорошо, если так. Однако этот проект грядущего мирового порядка, как и все большие проекты, характеризуется неустранимой методологической трудностью: он строится на принципе экстраполяции «настоящего» в «будущее», принципе рационального поведения всех участников и на предполагаемом «знании» всего спектра мотиваций субъектов

политики, которое в полной мере, естественно, невозможно. А значит он представляет собой геополитическую утопию, реализация которой находится в горизонте неопределенности: она может быть осуществлена, а может и не состояться. В нашем случае предполагается, что все участники такой большой «региональной игры», отказавшись от приоритета своих национальных интересов, выберут стратегию кооперации действий, и игра завершится с ненулевой суммой. Кроме того, имеются трудности и эпистемологического характера: если использовать известную метафору «шахматной доски», то все геополитические проекты напоминают партию с одним игроком, который попеременно играет и «за белых» (например, Россию), и «за черных» (Европу), но «белые» заведомо остаются в выигрыше. В силу неявно предпосланных результату авторских геополитических предпочтений.

Но действительность всегда оказывается богаче любой теории и любого проекта. С момента публикаций цитируемых прогнозов прошло больше года, но стремления западных стран встраиваться в проект «Большой Евразии» пока не наблюдается. Они предпочитают игру с нулевой суммой, и пока игнорируют предложенный В.В. Путиным инвариант этого проекта: формирование Большого евразийского партнёрства с участием стран ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, которое должно быть открытым и для стран ЕС. Косвенно это подтвердил, выступивший 10 декабря 2020 года на XXVIII Ассамблее СВОП глава МИДа РФ Сергей Лавров. Да и стремления у азиатских стран формировать совместно с Россией новую континентальную мегаструктуру тоже не наблюдается. Политика вещь прагматичная. А потому наших партнеров больше интересует возможность использования России в качестве транзитного коридора, поставщика сырьевых ресурсов, современного оружия, космических услуг (объем которых неуклонно сокращается), ну и конечно, в качестве «толкача» для включения в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН. Россия в этом вопросе готова пойти им навстречу, а также Бразилии и Южно-Африканской Республике, которые просили об этом на последнем саммите стран БРИКС. Но ее внешнеполитические возможности ограничены, а экономическое положение, особенно после введения санкций, оставляет желать лучшего. Единственное, что действительно сближает Россию с ее главными партнерами в Евразии (Индией и Китаем) – это их объективное ценностно-смысловое противостояние Западу в качестве особых «стран-цивилизаций», вынужденных осуществлять политику «догоняющего развития» без утраты своей цивилизационной идентичности.

Это противостояние особенно усилилось после попыток США сдержать развитие новых мировых центров, объявления в 2020 году Штатами «холодной войны» Китаю, что естественным образом сблизило его с Россией и повысило шансы на реализацию дипломатического альянса трёх полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций: «Россия-Индия-Китай», государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. В качестве дипломатических коалиций альянсы не раз подтверждали свою эффективность. И хотя президент В. Путин не исключил (при определенных условиях) даже военно-политического союза с Китаем, долговременное стратегическое сотрудничество трех великих держав маловероятно в силу преобладания «национального эгоизма». Несмотря на то, что Китай и Индия не имеют в гербе двуглавого орла, они, как и Россия, внимательно смотрят и на Восток, и на Запад, ища краткосрочные и долговременные выгоды для самих себя.

Последние довольно очевидны в условиях стабильного мирового порядка. Но в условиях наступившей хаотизации мира, далеко заглядывать не приходится. Поэтому ставка на тактическое партнерство предпочтительнее. Но и здесь необходима координация общих целей внешней политики союзников, которая всегда и везде является средством для внутреннего развития стран. А успехи их внутреннего развития гарантируют привлекательность их общего внешнеполитического курса для пока еще не присоединившихся государств. В пространстве такой диалектики «внутреннего» и «внешнего» перспективно действовать, согласовывая интересы участников возможного альянса, учитывая неравенство стартовых условий, объективную принадлежность всех трех государств к странам «второго мира», вынужденных участвовать в зачастую совсем нечестной экономической, научно-технической, военной и иной глобальной конкуренции.

Чтобы в ней не проиграть, нужны согласованные национальные стратегии развития, опирающиеся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической

жизни, но, главным образом, на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства, до незначительного, охватывающего, главным образом, экономическую сферу. Пример последнего варианта развития дает Китай, успех которого в последние десятилетия был особенно впечатляющ. Присмотримся к нему внимательнее.

Прежде всего, обратим внимание на то, что сближает Китай и Россию: это отсутствие войн между двумя странами, сопоставимый военный потенциал, весьма значительный государственный сектор экономики, централизованный характер управления, наличие довольно жесткой властной вертикали, полиэтничность (при значительном преобладании «ядрового народа» цивилизации – русских и китайцев) и связанная с ней культурная гетерогенность. Вместе с присутствием так называемого «советского синдрома» (комплекса воспоминаний о совместно пережитом, и в значительной мере идеализированном, прошлом) эти черты населения и власти России и Китая объективно создают предпосылки для их сотрудничества. По всем остальным цивилизационным параметрам (религии, господствующему мировоззрению, отношениям к семье и труду, характеру строения общества, власти и др.) они отличаются. И это обстоятельство оказало серьезное влияние на постановку и решение задачи модернизации России, Индии и Китая в конце XX – начале XXI века.

Так китайское руководство вместе с китайскими учеными оценили место своей страны в современной (либеральной) версии глобализации человечества, весьма прагматично: с позиций извлечения максимальных выгод для Китая, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с участием в данном процессе. Для этого был использован значительный научный потенциал Академии наук КНР, начиная с 2001 года, подготовлены 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно – характеристику общего ее состояния в мире и Китае на соответствующий год (*Обзорный доклад..., 2011*). В итоге был сделан вывод о том, что Китай следует отнести к числу «предварительно-развитых» стран, которые достигнут уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 году. Но учитывая темпы роста, китайский прагматизм и многолетнюю продуманную внешнюю и внутреннюю политику Китая эти цифры должны быть скорректированы в сторону значительного уменьшения.

В 2010 году Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 гг.: быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с США по количеству научных работников. С тех пор ситуация не изменилась. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост, а в России основные показатели научно-технического развития не растут, а снижаются. Как пишут исследователи, китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. В результате такой национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) такой силы, что теперь Китай по уровню ПИИ занимает второе место после США. К тому же сделали ставку на китаизацию продукции, что в свою очередь обеспечивало лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК стали «патриотичными» в своей стратегии, чем вряд ли могут похвалиться многие другие страны.

Кроме того, приходящий в страну иностранный капитал на треть является вложениями китайцев, проживающих за рубежом. В России, как известно, ситуация иная: на фоне отсутствия долгосрочных стратегий развития из года в год у нас наблюдается вывоз капитала за границу. В 1990-е у нас слепо копировали рекомендации МВФ, а успех китайских реформ связан с их постепенностью и сохранением контроля над экономикой. Последний пример: антимонопольное расследование в отношении Alibaba Group – крупнейшей частной компании, ставшей символом успеха и процветания Китая и еще осенью 2020-го готовившей одно из своих подразделений к крупному IPO. Но этот факт, насколько можно судить, не повлиял на намерения крупнейших зарубежных ТНК продолжить работу в Китае.

Ещё одно преимущество китайской стратегии модернизации, которого нет у России, заключается в том, что при успешном развитии рыночной экономики рыночные ценности не могут доминировать здесь над остальными сферами жизни, прежде всего, социальной и культурной. В результате создаётся успешный и перспективный баланс, стимулирующий стабильное развитие. Как пишет Ань Вэй, «гражданское право гарантирует эффективность рынка, а государственное административное право гарантирует социальную справедливость» (Ань Вэй, 2005). Основанную, добавим, не на социальной уравниловке, а на идеях управления социальными процессами.

Основываясь на них, в Китае еще в 2014 году была разработана система социального кредитования граждан, которая в качестве «пилотного проекта» уже 6 лет апробируется в Шанхае, провинциях Фуцзянь, Цзянсу, Гуандун и Шаньдун. Западные СМИ сразу же оценили концепцию «социального кредита» как практическую реализацию антиутопии Оруэлла: как систему тотальной слежки, не потрудившись различить государственные и коммерческие (Sesame Credit и Tencent Credit) формы социального кредита. Последние уже давно и эффективно используются коммерческими структурами, особенно банками, во многих странах: все кредитные организации и многие фирмы по предоставлению услуг ведут кредитные истории своих клиентов, используя, в том числе, сведения правоохранительных и других государственных органов. В Китае коммерческое социальное кредитование основывается на подсчете баллов, учитывая, среди прочего, и так называемый «чёрный список»: реестр тех, кто совершил правонарушения. Присутствие в этом реестре может сильно понизить рейтинг пользователя и лишить ряда привилегий, например, при аренде автомобилей и велосипедов или бронировании отелей.

С государственным социальным кредитованием, которое планировалось ввести по всей стране с 2020 года (но так и не ввели), все сложнее. При высоком, в отличие от России, уровне цифровизации экономики и других сфер жизни в многомиллионных городах и, отчасти, в деревне (где уже несколько лет оплата товаров производится безналичным способом) социальный кредит действительно может быть использован в качестве средства тотального контроля государством своих граждан. Возможно, такие планы есть и у китайского руководства. Но не только у него: любое государство «по определению» ориентировано на ограничение свободы и, в большей или меньшей степени, контролирует население. В любом случае сами технологии, в том числе и социальные, этически нейтральны: в конце концов «ружья не убивают людей, людей убивают люди». Все зависит от того, в чьих руках находится скальпель, – врача или преступника. Во всяком случае подавляющее большинство китайцев систему выставления баллов своим соотечественникам в соцсетях оценивают положительно: как систему социального доверия для гармонического развития и построения социализма с китайской спецификой.

Последний, как не трудно заметить, дистанцируется от идеи равенства. Но политическая и социальная системы Китая, хотя там есть диссиденты и сепаратисты, устойчивы, поскольку опираются на конфуцианскую этику и естественное для китайцев (ханьцев) представление об иерархичности мира и общественного устройства. Поэтому вместе с осуществляемой ЦК КПК политикой патриотизма и национального достоинства, идея социального проектирования и управления, подкрепляемая успехами страны в повышении уровня благосостояния народа, оказывается важным фактором успешного социально-экономического развития Китая.

Индия также является страной, способной создать альтернативную модель модернизации на собственной цивилизационной основе. Начиная с 1980-х в Индии существовал консенсус правящих элит по ключевому вопросу развития: вхождение в глобальную экономику не рассматривалась как обязательный процесс «вестернизации» – считалось, что страна может выбирать собственную стратегию развития. Эта тенденция сохранилась и с приходом к власти националистически ориентированной «Бхаратия джаната парти» (БДП), которая, помимо формирования «индуистской нации» и новой национальной идентичности на религиозной основе, поставила перед собой амбициозные задачи реформирования страны и превращения её в третью экономику мира. Этого, разумеется, не произошло. Но экономика страны продолжала укрепляться. Реформы шли без скачков и разрушений, что выгодно отличало их от российских реформ.

Не случайно, что в первое десятилетие XXI века экономика Индии демонстрировала темпы роста, сопоставимые с китайскими. По данным исследования международного рейтингового агентства Moody's, прогнозировалось, что в 2015–2016 гг. темпы роста ее экономики составят около 7-7,5 %, и это будет самый высокий рост экономики среди G20 (Moody's, 2015). Так и произошло. В 2019 году экономический рост Индии составил 7,4 %. Планировалось, что к 2020 году экономика Индии догонит Великобританию и станет пятой по величине экономикой в мире с номинальным ВВП в 2,9 трлн. долларов. Экономический рост КНР в 2019 году составил 6,3 %, а в 2020 ожидалось его снижение до 6,1 % (Рейтинг экономик мира 2019). Но пандемия внесла свои коррективы, замедлив все экономики мира. Но и на этом фоне Китай остался единственной зоной экономического роста. В документах XIV пятилетки, которая стартовала в 2021 году, упор делается на развитие внутреннего рынка (за счет увеличения размеров «среднего класса» с годовым доходом свыше 10 тыс. \$ США) и инфраструктуры, поддержку инновационной деятельности.

Таким образом, создание геополитического треугольника «Россия – Индия – Китай» вполне реально. Однако в этой «триаде», как, впрочем, и в БРИКС и в ШОС, Россия, к сожалению, в обозримом будущем не будет лидировать. И вот почему.

Во-первых, обратим внимание, что санкции США против Китая были обусловлены не прихотью экстравагантного Трампа, а вполне здравым расчетом защиты интересов США на внутреннем и внешних рынках. Было замечено, что Китай начинает неоиндустриализацию с целью перехода от экономики экспортного типа (которая сильно зависит от стран Запада) к экономике нового типа, ориентированной на внутренний рынок, и на производство товаров с высокой добавленной стоимостью, которые планируют продвигать частично на рынки стран Запада, а в большей части - на территории, которые много веков были «задним двором» Европы и США. Экспорт и влияние последних в Юго-Восточной Азии, да и в Европе, где в последние годы Китай интенсивно скупает активы стратегических предприятий, могут быть серьезно ослаблены. Но для России важно другое: то, что постепенно БРИКС выстраивается вокруг Китая и вскоре станет китайским проектом. А Россия в нем будет занимать положение «младшего брата», если не проведет системную модернизацию страны.

В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 10 лет назад, в России государственной стратегии комплексной модернизации страны до сих пор нет. У нас только в 2010 году была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ Д.А. Медведеве. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается правительством не системно, а точно – как реформация отдельных сфер жизни (экономики, науки, образования, здравоохранения и т.д.) – и прежде всего в технологическом ключе: как переформатирование за счет апробированных за рубежом технологий, которые были созданы совсем под другие задачи. Многим экспертам и специалистам было ясно, что нам не нужны ни Болонский стандарт, ни начавшаяся чуть позже академическая реформа. Но, не считаясь с их мнением, чиновники лихо занялись «оптимизацией» науки и образования, рассказывали общественности сказки о том, что, получив диплом какого-либо российского ВУЗа, можно будет поехать в Евросоюз, потому что российский выпускник будет таким же бакалавром, как и выпускник Сорбонны. А в итоге? В итоге, никакой академической мобильности и свободы преподавания, которые требовала Болонская конвенция, у нас так и не ввели. Вузы ограничились переходом со специалитета на бакалавриат, увеличили нагрузку преподавателей и понизили качество образования. А академическая реформа в виде «слияния академий», сопряженная с введением новых наукометрических показателей (индекса Хирша, публикаций в журналах, включенных в базы данных Scopus, WOS и др.), которые не критиковал только ленивый, увенчалась лишь кратным повышением отчетности для контролирующих науку министерств и сокращением финансирования академических институтов.

То же самое случилось с высшей и средней школой. В итоге качество преподавания и число ученых неуклонно снижалось. А в это же время в Китае число ученых прирастало примерно на 9 % в год, и по числу патентов на изобретения он в 2018 году в 4,9 раза опередил США. Помимо этого, Китай кратно превосходит РФ в области финансирования НИОКР: по некоторым расчетам в 48 раз, по другим, наверное, более реалистичным в 10 раз. Об этом 23.12. 2019 г. сообщил президент РАН Александр Сергеев. «Стратегия

развития страны говорит о том, что к 2035 году Китай по большинству научных направлений должен стать мировым лидером», - добавил академик (Кубарев, 2019).

Разумеется, количественная оценка в нашем случае не является достаточной. Гораздо важнее понять базовые причины происходящего. Обсуждая их, оппозиционные политики обычно кивают на авторитаризм политического режима и «отсутствие демократии». Но демократия никогда не была значимым фактором технико-экономического прогресса и благосостояния обществ. Скорее, наоборот. Да и авторитарные формы властвования, как свидетельствует история, могут быть «авторитаризмами развития», а не только стагнации. Разумеется, никто не застрахован от ошибочных и поспешных решений. Но надо вовремя уметь от них отказаться. А эта способность тормозится разным «качеством» наших властвующих элит и обслуживающего их аппарата: одни из них обладают критической рефлексией и широтой кругозора, основанного на понимании сложной диалектики истории, другие мыслят стереотипно, опираются на парадигму «линейного прогресса» (в направлении Запада) и не считаются с мнением экспертов-специалистов. Отсюда гетерогенность и методологический плюрализм политики России. Ее внутренняя политика все еще строится под влиянием давно устаревших западных теоретических стандартов социально-экономического и политического развития, тогда как ее внешняя и оборонная политика более сбалансирована, реалистична и разнообразна.

Она выстраивается, на мой взгляд, на теоретическом основании современного социального конструктивизма, позволяющего сделать проект «Большой Евразии» реализуемой геополитической утопией. Но этот мегапроект, на мой взгляд, может (и должен) быть дополнен проектом цивилизационной эволюции России.

Как уже отмечалось, «Большая Евразия» представляет собой макрорегиональный проект формирования пространства совместного развития разных цивилизаций, куда по мнению его разработчиков войдут и некоторые страны Европы. Но его мало предложить. Надо создавать привлекательный образ совместного будущего, демонстрируя успехи собственной цивилизационной модели и стратегии долгосрочного развития. Но такой модели и такой стратегии пока у России нет, а проблем хоть отбавляй. Многие из них обусловлены цивилизационной спецификой нашей страны, выросшей из «советской цивилизации». Судьба этой цивилизации, распространившей свое влияние далеко за пределы СССР, с ее панъидеей глобального превосходства и метаидеологией построения коммунизма, известна. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она, как и в начале XX века, представляет собой псевдоморфозу - своего рода цивилизационный кентавр, причудливо (местами уродливо), сочетая элементы архаики, советского прошлого и западной «современности» (Гранин, 2020).

На первый взгляд, такими же характеристиками обладает и современный Китай. Но ценностно-смысловое ядро этой цивилизации не эклектично, а целостно. Ее ценностно-смысловой каркас замыкается в контур, граница которого очерчена восходящим к идеям Дао (пути) конфуцианским философско-религиозным мировоззрением (с ключевой для него идеей соответствия «небесного» и «земного» как упорядоченной целостности) и соответствующим ему «рационализмом». Основанный не на субстанциальной, а на процессуальной логике, определяемой спецификой языка (Смирнов, Солондаев, 2019), этот конфуцианский рационализм вырастает не из характерного для Европы базового противоречия между трансцендентным и мирским прядками (Ш. Айзенштадт), а из идеи их гармонического соответствия. Отсюда особая китайская стратегия жизни как эволюции, предполагающая поиск не лобового, а «обходного пути», поиск компромисса и иносказания как основного принципа политического действия и дипломатии (Франсуа, 2001). С этой стратегией корреспондирует представление о китайском народе как «большой семье» (что сближает Китай со странами Северной Европы) и «государстве» как «поднебесной империи», не случайно названной после 1949 года «срединной цветущей страной всеобщей гармонии народа». Поэтому социалистический период Китая рассматривается элитами и большинством населения как продолжение «великого пути», а однопартийность – как историческая форма естественной иерархичности общественного устройства.

Совокупность этих представлений является основой идентичности китайской (ханьской) нации. Последняя уже давно выстроена на основе не столько гражданско-политического,

сколько культурного единства. А мы, потакая республиканским этнонационалистам, не единожды торпедировавшим идею «российской нации», уповаем на гражданский национализм, не уделяя должного внимания формированию социокультурного единства народов России и проектированию ее будущего.

В горизонте этого проектирования Российским центром стратегических разработок (РЦС), курируемого Алексеем Кудриным, предлагается, отказавшись от «всеобъемлющей программы модернизации», сделать акцент на формировании новых институтов развития: так называемых «переходных институтов», призванных обеспечить трансформацию «естественного государства» в «государство открытого доступа» к политическим и экономическим ресурсам (Аузан и др., 2017). Этот замысел базируется на теоретических построениях Дугласа Норта и его коллег (Норт и др., 2011) и, теоретически, может быть воплощен при условии его поддержки в Кремле. Судя по всему, такая поддержка есть. Однако принципиальная трудность, возникающая при попытках имплементации этого проекта реформ, состоит в том, что «поле власти» не концентрируется в одной точке и одном субъекте: Президенте и его Администрации, Премьере, Правительстве и его аппарате – она рассредоточена по всему пространству России: ее «субъектам» и «муниципалитетам», включает властные возможности и полномочия «большого множества» элит. Именно они должны воплощать в жизнь «промежуточные институты» – «систему правил» действия для реформирования страны. Краеугольным камнем которой является принцип «деперсонализации деятельности организаций и институтов». Именно этим сейчас занимается Президент и Правительство, внедряя везде электронные формы «госуслуг», дабы ограничить взимание бюрократической ренты чиновничеством. Но достаточны ли эти меры для превращения «естественного» российского государства и общества в государство и общество «открытого доступа»? Конечно, нет. И авторы проекта это прекрасно осознают, уповая на систему санкций и компенсаций группам для нейтрализации их сопротивления новым правилам.

Получится ли? Трудно сказать. По-видимому, как и раньше, следует уповать на просвещение властвующих элит, в результате которого они добровольно урежут свой эгоизм и свои аппетиты во имя Отечества. История царской России знала и «просвещенных бюрократов», и «просвещенных помещиков», и альтруистов-капиталистов. Но «погоды они не сделали». По ряду множества конкретно-исторических обстоятельств, иной набор и иное сочетание которых вполне могли вывести Россию в число «государств открытого доступа» к политическим и экономическим ресурсам. Не хватило времени и исторического везенья. Сейчас их тоже не хватает. И многие из числа политических, экономических и прочих «элит» и верхних эшелонов власти видят эту проблему. Но редко осознают ее геополитический аспект: в условиях крайнего обострения противостояния с Западом и неизбежной борьбы с ним (и не только) за сосредоточенные на нашей территории ресурсы проблема модернизации страны превращается в проблему ее сохранения в качестве независимого суверенного государства.

Поэтому помимо формирования новых правил (институтов) социального и государственного управления, предполагающих технологическое развитие, достойную жизнь граждан и инвестиции в человеческий капитал, необходима большая культурно-идеологическая работа по обновлению ценностно-смыслового каркаса России, его наполнению новыми смыслами. В настоящее время он ориентирован в прошлое – там в великих победах Россия ищет (и находит!) оправдание своего нынешнего положения, своей «суверенной демократии» и другой «цивилизационной специфики». Но в карете прошлого далеко не уедешь. Необходимо мобилизовать население на реализацию социальной утопии: построение социального государства нового типа – государства всенародного благосостояния, солидарности, справедливости и реального гуманизма.

Литература

Ань Вэй, 2005 – Ань Вэй. Глобализация и право // *Вопросы философии*. 2005. № 2. С. 169.

Аузан и др, 2017 – Аузан А.А., Авдиенкова М.А., Андреева Д.А., Бахтигараева А.И., Брызгалов В.А., Бутаева К.О., Вебер Ш. Социокультурные факторы инновационного развития и имплементации реформ. М.: ЦРС, 2017.

Гранин и др., 2018 – Гранин Ю.Д., Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Лебедев С.А. Научный метод: история и теория // *Вопросы философии*. 2018. №8. С. 213-2017.

Гранин, 2007 – Гранин Ю.Д. Что такое «глобализация?» // *Высшее образование в России*. 2007. №10. С. 116-121.

Гранин, 2014 – Гранин Ю.Д. Желтые пятна на мантии российского телевидения // *Журналист. Социальные коммуникации*. 2014. №2 (14). С.60-74.

Гранин, 2020 – Гранин Ю.Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // *Вопросы философии*. 2020. №12. С. 34-44.

Иноземцев, 2019 – Иноземцев В.Л. Экономика и политика глобализации: уроки прошлого для настоящего и будущего // *Век глобализации*. 2019. №2. С. 9.

К Великому океану, 2019 – К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. С. 275-277.

Караганов, 2019 – Караганов С. Каким будет мир? // *Российская газета*. 14.02.2019. Федеральный выпуск. №34 (7792). [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-na-ego-haotichnost-vpolne-predskazuem.html>

Караганов, 2019 – Сергей Караганов рассказал о роли России в образовании Евразии // *Российская газета*. RGRU. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/10/01/sergej-karaganov-rasskazal-o-rol-i-rossii-v-obrazovanii-evrazii.html> (дата обращения: 01.10.2019).

Кубарев, 2019 – Кубарев Анатолий. Китай вкладывает в научное место в 10 раз больше денег, чем РФ // *Политика сегодня*. 23.12.2019. [Электронный ресурс]. URL: info/481103-kitai-vkladyvaet-v-nauchnoe-mesto-v-desyat-raz-bolshe-deneg-chem-rf

Леонова, 2020 – Леонова О.Г. Динамика рейтинга «мягкой силы» России // *Век глобализации*. 2020. №2. С. 104-118.

Ли Сянь Лун, 2020 – Ли Сянь Лун. Америка, Китай и угрозы конфронтации // *Россия в глобальной политике*. №4. 2020. Июль–август. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/aziatskij-vek-v-opasnosti/>

Норт и др., 2011 – Норт Д., Уоллис Д., Барри В. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011.

Обзорный доклад..., 2011 – Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). Под редакцией Хэ Чуаньци и Н.И. Лапина. М.: Весь мир, 2011.

Рейтинг экономик мира 2019 – Рейтинг экономик мира 2019, таблица ВВП стран мира. 03.02.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/>

Смирнов, Солондаев, 2019 – Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М.: Садра, 2019.

Франсуа, 2001 – Франсуа Ж. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. Пер. с франц. В. Лысенко. М.: Московский философский фонд, 2001.

Moody's 2015 – Moody's 2015: Индия покажет самый высокий рост экономики среди G20. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gigamir.net/money/pub2172021>

References

An' Vej, 2005 – An', Vej (2005). Globalizaciya i pravo [Globalization and Law]. *Voprosy filosofii*. 2: 169. [in Russian]

Auzan i dr, 2017 – Auzan, A.A., Avdienkova, M.A., Andreeva, D.A., Bahtigaraeva, A.I., Bryzgalin, V.A., Butaeva, K.O., Veber, Sh. (2017). Sociokul'turnye faktory innovacionnogo razvitiya i implementacii reform [Sociocultural factors of innovative development and implementation of reforms]. М.: CRS. [in Russian]

Fransua, 2001 – Fransua, Zh. (2001). Put' k celi: v obhod ili napryamik. Strategiya smysla v Kitae i Grecii [The path to the goal: bypass or straight. The strategy of meaning in China and Greece]. Per. s franc. V. Lysenko. М.: Moskovskij filosofskij fond. [in Russian]

Granin i dr., 2018 – Granin, Y.D., Gubanov, N.N., Gubanov, N.I., Lebedev, S.A. (2018). Nauchnyj metod: istoriya i teoriya [Scientific method: history and theory]. *Voprosy filosofii*. 8: 213-2017. [in Russian]

Granin, 2007 – Granin, Y.D. (2007). Chto takoe «globalizaciya?» [What is "globalization?"]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 10: 116-121. [in Russian]

Granin, 2014 – Granin, Y.D. (2014). Zheltye pyatna na mantii rossijskogo televideniya [Yellow spots on the mantle of Russian television]. *Zhurnal. Social'nye kommunikacii*. 2(14): 60-74. [in Russian]

Granin, 2020 – Granin, Y.D. (2020). «Civilizaciya» i civilizacionnaya evolyuciya Rossii ["Civilization" and the civilizational evolution of Russia]. *Voprosy filosofii*. 12: 34-44. [in Russian]

Inozemcev, 2019 – Inozemcev, V.L. (2019). Ekonomika i politika globalizacii: uroki proshlogo dlya nastoyashchego i budushchego [Economics and Politics of Globalization: Lessons from the Past for the Present and the Future]. *Vek globalizacii*. 2: 9. [in Russian]

K Velikomuu okeanu, 2019 – K Velikomuu okeanu: hronika povorota na Vostok. Sbornik dokladov Valdajskogo kluba [Towards the Great Ocean: A Chronicle of the Turn to the East. Collection of reports of the Valdai Club]. M.: Fond razvitiya i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj», 2019. Pp. 275-277. [in Russian]

Karaganov, 2019 – Karaganov Sergej. Kakim budet mir? [What will the world be like?]. *Rossijskaya gazeta*. 14.02.2019. Federal'nyj vypusk №34 (7792). [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-na-ego-haotichnost-vpolne-predskazuem.html> [in Russian]

Kubarev, 2019 – Kubarev Anatolij. Kitaj vkladyvaet v nauchnoe mesto v 10 raz bol'she deneg, chem RF [Kubarev Anatoly. China invests in a scientific place 10 times more money than the Russian Federation]. *Politika segodnya*. 23.12.2019. [Electronic resource]. URL: info/481103-kitaj-vkladyvaet-v-nauchnoe-mesto-v-desyat-raz-bolshe-deneg-chem-rf [in Russian]

Leonova, 2020 – Leonova, O.G. (2020). Dinamika rejtinga «myagkoj sily» Rossii [Dynamics of Russia's "soft power" rating]. *Vek globalizacii*. 2: 104-118. [in Russian]

Li Syan Lun, 2020 – Li Syan' Lun (2020). Amerika, Kitaj i ugrozy konfrontacii [America, China and the Threats of Confrontation]. *Rossiya v global'noj politike*. 4. Ijul'–avgust. [Electronic resource]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/aziatskij-vek-v-opasnosti/> [in Russian]

Moody's 2015 – Moody's 2015: Indiya pokazhet samyj vysokij rost ekonomiki sredi G20 [Moody's 2015: India will show the highest economic growth among the G20]. [Electronic resource]. URL: <http://www.gigamir.net/money/pub2172021>

Nort i dr., 2011 – Nort, D., Uoliss, D., Vajngast, B. (2011). Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting the written history of mankind]. M.: Institut Gajdara. [in Russian]

Obzornyj doklad, 2011 – Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitae (2001-2010) [Scoping report on modernization in the world and China (2001–2010)]. Pod redakciej He Chuan'ci i N.I. Lapina. M.: Ves' mir, 2011. [in Russian]

Rejting ekonomik mira 2019 – Rejting ekonomik mira 2019, tablica VVP stran mira. 03.02.2020 [World Economy Ranking 2019, table of GDP of the countries of the world]. 03.02.2020. [Electronic resource]. URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/>

Sergej Karaganov, 2019 – Sergej Karaganov rasskazal o roli Rossii v obrazovanii Evrazii [Sergej Karaganov spoke about the role of Russia in the formation of Eurasia]. *Rossijskaya gazeta. RGRU*. [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2019/10/01/sergej-karaganov-rasskazal-o-rolirossii-v-obrazovanii-evrazii.html> [in Russian]

Smirnov, Solondaev, 2019 – Smirnov, A.V., Solondaev, V.K. (2019). Processual'naya logika [Procedural logic]. M.: Sadra. [in Russian]

Россия в региональных альянсах государств Евразии. Цивилизационное измерение

Юрий Дмитриевич Гранин ^{а, *}

^а Институт философии РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются перспективы возможных альянсов России и государств Евразии в контексте формирования новых центров мировой динамики, постепенно смещающихся в Азию. Это наблюдаемое изменение геополитической и геоэкономической конфигурации мира стимулирует Россию к повороту на Восток. Но итоги этого разворота от Европы к «Большой Евразии» совсем не очевидны. Возможные трудности определяются политическими, экономическими и цивилизационными различиями стран евразийского континента. По мнению автора, перспективы равноправного партнерства России с Индией и Китаем связаны с формированием новой модели модернизации на собственной цивилизационной основе. Пока цивилизационная модель развития Российской Федерации гетерогенна. И это обстоятельство находится вне поля внимания правящих и интеллектуальных элит страны. В настоящее время Российским центром стратегических разработок (РЦС), курируемого Алексеем Кудриным, предлагается, отказавшись от «всеобъемлющей программы модернизации», сделать акцент на формировании новых институтов развития: так называемых «переходных институтов», призванных обеспечить трансформацию «естественного государства» в «государство открытого доступа» к политическим и экономическим ресурсам. Это важно, но недостаточно. Помимо выработки новых правил (институтов) социального и государственного управления нужна большая культурно-идеологическая работа по обновлению ценностно-смыслового каркаса России, его наполнению новыми смыслами.

Ключевые слова: институты, мировая динамика, модернизация, ценности, цивилизация.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Ю.Д. Гранин)